

УДК 658.512 + 330.16 + 355.01

ГРНТИ 28.23.13 + 28.23.23 + 78.03.03

СУЩНОСТЬ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ СРЕД КАК ОСНОВА НЕНАСИЛЬСТВЕННОЙ МОНОПОЛИЗАЦИИ ВЛАСТИ В РОССИИ

Денисов Александр Альбертович

Институт конструкторско-технологической информатики РАН

alex.kimstach@gmail.com

Денисова Елена Васильевна

Специальная информационная сеть «Лабиринт»

denisovael@yandex.ru

Опубликовано: Денисов А. А., Денисова Е. В. Сущность постиндустриальных технологических сред как основа ненасильственной монополизации власти в России. // Журнал «Национальная ассоциация ученых», Том 1 №74 / 2021. С. 30-36.
DOI: 10.31618/NAS.2413-5291.2021.1.74.516

Работа выполнена в Институте конструкторско-технологической информатики РАН, 103055 г. Москва, Вадковский пер., д. 19, стр. 1-А на технической, кадровой и информационной базе «Специальной информационной сети «Лабиринт», г. Москва.

Аннотация

В статье представлены результаты внедрения в РФ нового самовоспроизводящегося механизма ненасильственной монополизации власти, предназначенного для обеспечения стабильного развития государства при условии исключения системных репрессий против элитных групп. Представлена базовая математическая модель, положенная в основу этого метода. А также способы ее практического применения для построения названного механизма.

Ключевые слова

Постиндустриальные технологические среды. Метод Гегеля. Сущность и Явление. Монополизация власти. Гудвил. Индустриализм. Постиндустриализм. Facebook. Metaverse. Инвестиции. Психическая инфраструктура. Аналоговый квантовый суперкомпьютер.

Резюме

Статья посвящена описанию исходной математической модели и ряда компромиссов для системного проектирования нового механизма ненасильственной монополизации власти в России. Основой внедрения которого послужила дифференцированная система преднамеренных подмен смыслов составных элементов этой модели для различных элитных групп. Базой названной математической модели служит экономическая категория «гудвил» в ее исходном понимании, определяемом правом Англии и Уэльса. Показано, что при переходе к постиндустриальным технологическим средам гудвил претерпевает кардинальные трансформации, перенаправляя инвестиции на создание цифровых объектов психической инфраструктуры. Которые, в свою очередь, играют роль «масок» для монополии власти, реализуемой в системах управления, создаваемых на базе аналоговых квантовых суперкомпьютеров.

После избрания в 2000 г. президентом РФ В.В. Путина начался систематический демонтаж наследия «семибанкирщины». Ярким эпизодом этого процесса стал арест в 2003 г. М. Ходорковского. Но уже к концу 2004 г. была поставлена задача по созданию структуры управления обществом и государством, которая позволила бы ненасильственными средствами отделить власть от влияния и богатства, чтобы в принципе не возникало таких ситуаций, когда требуются репрессии против бизнеса и иных групп влияния, решившихся на «штурм Олимпа».

Иными словами, нужно было создать и быстро внедрить в практику управления новый, самовоспроизводящийся и устойчиво действующий механизм монополизации власти, который обеспечил бы мирное управление обществом, исключаящее необходимость регулярных волн репрессий.

Настоящая публикация основана на систематизации результатов внедрения и эксплуатации в течение 16 лет механизма постиндустриального правления, реализовавшего названные выше условия.

1. Методология механизма монополизации власти в России

Методологическим базисом решения указанной выше задачи был выбран метод, созданный в первой половине 19-го века и прекрасно зарекомендовавший себя при строительстве Второго германского рейха.

Гениальный немецкий философ Г. Гегель создал идеалистическую философскую концепцию, названную диалектика. Согласно которой полнота познания любого Объекта

достигается при выделении предельных противоположностей, определяющих развитие Объекта. Этими предельными противоположностями стали Сущность и Явления.

Явление Объекта многообразно и наблюдаемо. Его Сущность, напротив, единственна и принципиально не наблюдаема. Но она проявляется во всем многообразии модусов (конкретных форм) Явления и при этом не сводится ни к одному из них, ни к любой их группе, ни ко всему многообразию модусов в совокупности.

Это была абсолютно абстрактная идея, но К. Маркс использовал ее для достижения политических целей Второго рейха. Для начала он «скрестил» идеалистическую диалектику Гегеля и материализм [1], создав теорию капитала. А затем эта теория была использована в качестве ядра ненасильственной монополизации власти во Втором рейхе. Как это было сделано?

Несмотря на то, что Маркс прекрасно разбирался в диалектике Гегеля, властями Германии того времени (преднамеренно, целенаправленно и с участием Маркса и его последователей) было создано второе «переиздание» движения так называемых младогегельянцев. Которые в силу скудости интеллектуальных способностей не смогли понять диалектику Гегеля, из-за чего отказались от категории Сущность, упростив метод Гегеля до примитивного начетничества: стали рассматривать основой развития общества конфликт двух максимально противоположных модусов Явления.

Возрождению младогегельянства очень поспособствовали К. Маркс и Ф. Энгельс, опубликовав «Манифест коммунистической партии». Где в абсолютно младогегельянском духе объявили, что основой развития капитализма является непримиримый конфликт труда и капитала, который проявляется в борьбе двух классов – капиталистов и рабочих. В практике политической и экономической борьбы внутри индустриального общества именно так и происходит, за одним «но»: оба названных класса – всего лишь два модуса Явления капитализма, поскольку оба принципиально наблюдаемы.

В итоге Маркс и Энгельс при активной поддержке политического руководства Второго рейха «разрядили» опасную для молодого германского государства внутривнутриполитическую напряженность, которой пользовались Англия, Франция и Австро-Венгрия. И направили кипение быстро развивающегося нового немецкого общества к ложной социал-демократической цели: освобождению рабочего класса от гнета капитала. Тем самым обеспечив внедрение нового механизма ненасильственной монополизации власти и защитив власть во Втором рейхе от посягательств со стороны быстро набиравших силу и влияние германских банкиров, промышленников и военных.

После русской революции 1917 г. точно такая же подмена была осуществлена в Советской России. И это вновь дало выдающийся результат, внедрив механизм монополи-

зации власти и вытеснив из борьбы за реальную власть троцкистов и разного рода уклонистов в стране, только что вышедшей из гражданской войны. Тем самым была подавлена партийная оппозиция и выиграно время для перестройки СССР из региональной крестьянской державы в атомную и космическую индустриальную сверхдержаву.

Итак, что такое Сущность? С современной инженерно-физической точки зрения ее следует определить как топологический принцип (движения), реализуемый в данном типе Объекта исследования /управления. Поскольку в основе всего многообразия проявлений одного типа объектов (множества модусов Явления) лежит один-единственный топологический принцип (т.е. Сущность), при таком подходе все требования метода Гегеля выполняются безукоризненно: топология движения (Сущность) единственна и принципиально не наблюдаема, но проявляется через модусы Явления, которые многообразны и наблюдаемы. При этом топология не сводится ни к одному модусу, ни к какой-то их группе, ни ко всем модусам в совокупности.

Таким образом, чтобы создать монополию власти теперь уже в постсоветской России, требовалось выделить Сущность нового, будущего общества, к которому эта власть должна привести страну. А затем осуществить описанную выше подмену, чтобы вытолкнуть «ненужные» персоны и группы влияния из конкуренции за власть в ловушку младогегельянства. Тем самым обеспечивалась такая ненасильственная монополизация власти, при которой богатые и влиятельные люди, несмотря на их интеллект, ресурсы и связи, не понимали бы Сущности новой власти и потому не могли претендовать на участие в ней, влиять на ее планы или вмешаться в ее действия.

2. Гегелевская Сущность индустриализма

Социализм и капитализм являются двумя формами индустриального общества, различающимися лишь тем, что при капитализме разрешена частная собственность на средства производства, а при социализме допустима только общественная (государственная). Частная и общественная собственность – это два модуса Явления индустриализма: их можно наблюдать. Иными словами, названное различие капитализма и социализма носит исключительно внешний, не сущностный характер. Это значит, что принимать его за источник фундаментального отличия двух мировых систем значило впасть в старую ловушку младогегельянства.

Что на самом деле является Сущностью индустриализма как общественно-экономической формации? – Гудвил [2].

Рыночная стоимость бизнеса складывается из стоимости чистых активов плюс стоимость гудвила:

$$[\text{Р. ст. биз.}] = [\text{Ст. ч. акт.}] + [\text{GW}] \quad (1)$$

где [Р. ст. биз.] – рыночная стоимость бизнеса; [Ст. ч. акт.] – стоимость чистых активов, т.е. прав собственности на них; [GW] – гудвил.

Согласно законодательству Англии и Уэльса гудвил представляет собой неотторжимые внеэкономические факторы стоимости бизнеса, возникающие в процессе функционирования предприятия и создающие экстраординарную прибыль на инвестированный капитал. Неотторжимые означает, что на них нельзя оформить права собственности (права собственности отторжимы – в этом их суть).

К факторам, создающим гудвил, относятся: репутация владельцев, менеджеров или инженеров бизнеса в глазах кредиторов или властей; коллективный конструкторско-производственный опыт трудового коллектива; репутация качества продукции в глазах покупателей и т.п. Все эти факторы возникают исключительно в процессе функционирования предприятия, на них в принципе нельзя оформить права собственности и эти факторы обеспечивают создание экстраординарной (т.е. более высокой, чем в среднем по отрасли) прибыли на инвестированный в предприятие капитал.

Инвесторы ориентируются на стоимость гудвила, чтобы сделать выбор, в какое именно предприятие лучше вложить капитал. Если стоимость гудвила равна нулю, предприятие не сможет приносить экстраординарную прибыль от инвестиций в него – она будет такой же, как и на всех остальных предприятиях отрасли. И инвестор откажется от планов покупки данного предприятия, предпочтя найти такое, где гудвил максимальный.

Впервые гудвил в договоре купли-продажи предприятия (в скрытом виде, поскольку до начала 17-го века он был запрещен в Англии, так как вел к монополизации и ограничению конкуренции) появился в 1420 г. И с тех пор был основой основ всех операций купли-продажи бизнеса в течение всего времени существования индустриализма – как в форме капитализма, так и в форме социализма, все равно.

Еще раз подчеркнем, что на факторы, составляющие стоимость гудвила, нельзя оформить прав собственности. Поэтому к ним не относятся интеллектуальные активы, т.е. особые права собственности в виде лицензий, разрешений, патентов, образцов и макетов, программ и т.п. При этом гудвил вносит существенную добавку в рыночную стоимость бизнеса. Так, например, в РФ до начала нынешней череды кризисов гудвил в среднем составлял примерно 28% от рыночной стоимости бизнеса.

Итак, источником индустриализма служит инвестиционный процесс, основой которого является купля-продажа прав собственности. При этом гудвил присутствует во

всех без исключения сделок продажи-покупки прав собственности на средства производства, служа количественным индикатором, указывающим, куда именно следует инвестировать капитал. Но на факторы гудвила нельзя оформить прав собственности.

Это значит, что гудвил в индустриальном обществе выступает в качестве базового топологического принципа, определяющего всю структуру глобального движения инвестиционного капитала на мировых рынках. При этом гудвил принципиально не наблюдаем. Гудвил – гегелевская Сущность индустриализма.

3. Гегелевская Сущность постиндустриализма

Разрушение индустриального общества и переход к постиндустриальному основаны на массивном внедрении постиндустриальных технологических сред. При этом, как показали сперва теоретические исследования [1], а затем и обобщение результатов работ по системному проектированию [3, 4] нового механизма ненасильственной монополизации власти в РФ [5], гудвил сохраняет свою роль Сущности нового общества. Но претерпевает ряд принципиальных трансформаций.

Он по-прежнему сохраняет свою роль количественной характеристики предприятий, в которые нужно инвестировать капитал. Но, во-первых, теряет стоимостное измерение, преобразуясь в форму натурального показателя. Т.е. гудвил уже не измеряется в долларах или рублях – его измеряют в «штуках», точнее, в единицах времени [5].

Во-вторых, при переходе к постиндустриальным технологическим средам гудвил утрачивает свойство количественного показателя предприятия, в которое нужно инвестировать капитал. Превращаясь в конечный объект инвестирования. Это означает, что при переходе к постиндустриализму объектом вложения капитала становится не предприятие (как совокупность прав собственности), а модели поведения людей, работающих на этом предприятии. Эта форма инвестиционного процесса получила название инвестирование в психическую инфраструктуру [5].

Наиболее ярким примером таких инвестиций служит новый глобальный проект гибридной или смешанной реальности Metaverse или «Метавселенная» (в аллюзиях перевода с иврита – «Мертвое пространство»), анонсированный социальной сетью Facebook.

Наконец, в-третьих, учитывая две первые названные особенности гудвила, инвестиции в постиндустриальных технологических средах перестают быть финансовым процессом, поскольку гудвил утрачивает стоимостное измерение [2]. Соответственно, капитал, инвестируемый в гудвил постиндустриального проекта (такого, как, например, Metaverse), может быть только и исключительно общественным капиталом, выраженным

в трудовых затратах времени, включая овеществленный труд (в форме материальных и интеллектуальных ресурсов), но не прав собственности в индустриальном смысле.

Если мы внимательно присмотримся к тому, что, как и в каком порядке делает руководство Facebook в процессе развертывания своего проекта Metaverse, мы увидим множество аномалий, мелких и крупных нарушений законов и даже здравого смысла, если подходить к ним с позиции обычного финансового управления. Которые исчезают, если рассматривать новую стратегию и цели Facebook в вышеназванном контексте – в свете логики и технологий инвестирования в психическую инфраструктуру.

Что характерно для новой роли гудвила в постиндустриальных технологических средах? Современные сверхвысокотехнологические производства с коротким жизненным циклом продукции на рынках сбыта имеют общую экономическую особенность. А именно высокую или абсолютно доминирующую долю в себестоимости единицы продукции: (1) конструкторских решений; (2) дизайнерских решений; (3) технологических решений; (4) репутационных решений.

Обратите внимание, что речь идет о «решениях», а не об издержках на материалы, энергию или содержание производственных площадей и коммуникаций. Однако это все еще переходная форма управления инвестициями. Пример Metaverse позволяет увидеть более глубокий, скрытый уровень трансформации роли гудвила при переходе к постиндустриальным инвестициям в психическую инфраструктуру.

Любые решения имеют своей основой систему моделей поведения, благодаря которым эти решения создаются. Что позволяет переформулировать список факторов гудвила как структуры факторов, в которые осуществляются инвестиции общественного капитала в постиндустриальном мире:

1. совокупность индивидуальных и коллективных моделей поведения, создающих конструкторские решения, необходимые в процессе эффективного функционирования предприятия;

2. то же самое – для дизайнерских решений;

3. то же самое – для технологических решений;

4. то же самое – для репутационных решений.

К этому списку добавляется 5-й пункт:

5. совокупность индивидуальных и коллективных моделей поведения членов трудового коллектива предприятия /проекта, его внешних стейкхолдеров и потребителей результатов его производственной активности, создающих цель и причину существования и функционирования предприятия.

Это означает, что при постиндустриализме стирается граница между трудовым коллективом, инвесторами, внешними стейкхолдерами и потребителями. Это – концепция «открытого проекта», иллюстрацией которого как раз и служит Metaverse.

В итоге можно сформулировать два ключевых положения трансформации гудвила при переходе к постиндустриализму, первоначально сформулированных в [2], но затем достаточно серьезно уточненных.

Во-первых, *при переходе к постиндустриализму инвестиционная деятельность перестает быть сферой финансового управления, полностью утрачивая характер управления по стоимостным показателям и переходя к натуральным единицам измерения, главная из которых – время (время есть первичный дифференциал) [5].*

Во-вторых, *управление процессами инвестирования общественного капитала в постиндустриальном обществе есть управление структурой факторов гудвила, выраженных в натуральных единицах, которое осуществляется на основе проектирования, производства и динамического управления топологической структурой системы моделей поведения.*

Модели поведения не наблюдаются напрямую. Наблюдению доступны только поступки человека, т.е. связки «стимул-реакция». Что делает данное представление о гудвиле полностью соответствующим гегелевской Сущности.

Итак, при переходе к постиндустриализму гудвил сохраняется как Сущность этой новой общественно-экономической формации. Однако его атрибутивная модель и технология использования радикально трансформируются. Это указывает на то, что новый общественный уклад является естественным, органическим перерождением индустриализма, возникшим из-за резкого роста производительности труда за счет массивной компьютеризации производственной и общественной деятельности общества. Это – первый ключевой атрибутивный признак нового гудвила.

Второй атрибутивный признак: постиндустриальный гудвил перестает быть *стоимостным показателем* для управления инвестициями, превращаясь в конечный объект инвестирования общественного капитала. Его измерение производится в натуральных единицах (производных от времени).

Третий атрибутивный признак: постиндустриальные инвестиции в топологическую структуру факторов гудвила полностью стирают границы между предприятием, инвестором, сторонними некоммерческими интересантами развития проекта и сообществом пользователей /потребителей создаваемых им результатов. Что, в свою очередь, на развитой стадии полностью разрушает смысл существования прав собственности. Ведь инвестор не может отделить себя от трудового коллектива наемных работников и от неорганизо-

ванной массы потребителей продукции, производимой предприятием. Так что же он будет покупать, приобретая права собственности, если он не может отделить свою покупку от остального мира (поскольку границы проекта стираются)?

Это три ключевые характеристики гудвила как Сущности постиндустриализма [2]. Который определяет всю систему глобального обращения общественного капитала, основанную на *управлении структурой факторов гудвила (инвестиций в психическую инфраструктуру) на базе комплексных технологий проектирования и управления топологической структурой системы моделей индивидуального и коллективного поведения.*

4. Система и уровни подмен: монополизация власти в России

Итак, чтобы создать монополию власти в постсоветской России, требовалось выделить Сущность нового, будущего общества, к которому эта власть должна привести страну. Выше показано, как это было сделано.

Далее требовалось осуществить систему подмен, в основе своей аналогичную той, что была сделана в начале строительства Второго германского рейха и Советского Союза. Чтобы вытолкнуть «ненужные» персоны и группы влияния из конкуренции за власть в ловушку младогегельянства. В конечном итоге эти подмены и обеспечили ненасильственную монополизацию власти. Когда сильные, умные, решительные, богатые и влиятельные люди, не могли понять Сущности новой власти, не могли претендовать на участие в ней и/или вмешаться в ее действия.

Чтобы указать, как это было сделано (с учетом того, что данная тема не может быть освещена открыто), приведем частичную структуру подмен в привязке к реальным странам российского общества середины 2000-х годов.

Исходная формула подмен является производным от уравнения (1):

$$[\text{Р. ст. биз.}] = [\text{Ст. мат. акт.}] + [\text{Ст. н/мат. акт.}] + [\text{GW}] \quad (2)$$

где [Р. ст. биз.] – рыночная стоимость бизнеса; [Ст. мат. акт.] – стоимость чистых материальных активов; [Ст. н/мат. акт.] – стоимость нематериальных активов; [GW] – гудвил.

Подмена 1. Упрощение уравнения (2) до формы [Р. ст. биз.] = [Ст. мат. акт.] является математической сутью подмены 1 и основой функционирования государственной и корпоративной бюрократии РФ. Которые выделяют и направляют финансирование на определенные проекты, выражаемые только в терминах чистых материальных активов.

Например, при определении и утверждении бюджетирования строительства моста или дороги.

Подмена 2. Искажение уравнения (1) до [Р. ст. биз.] = [Ст. мат. акт.] + [Ст. н/мат. акт.] – это математическая формула работы разного рода крупных спекулянтов и менеджмента компаний и банков. Таких, как пакетные инвесторы или топ-менеджеры, которым нужно обеспечить «дутый» рост стоимости бизнеса.

В основе этой подмены лежит разница способов оценки стоимости материальных и нематериальных активов. Материальные активы оцениваются по их прошлой истории: поставлено на бухучет, проведен ремонт, перепроектирование или модернизация и т.д., и т.п. Прошлые состояния актива позволяют произвести оценку его стоимости с погрешностью примерно 8-10 %.

Совсем другое – нематериальный актив. Его стоимость оценивается по его предполагаемому будущему состоянию, что заведомо неточно и весьма гипотетично. Например, стоимость лицензии на работу в каком-либо частотном диапазоне – какой денежный поток создаст этот еще не состоявшийся бизнес? Для такой оценки нужно сделать слишком много слишком неточных допущений.

В итоге при соблюдении всех стандартов оценочной деятельности, не нарушив ни одного правила оценки и не фальсифицируя исходной документации, можно получить разброс стоимости нематериального актива в 10, 100 а порой даже в 1000 раз. Что открывает гигантские возможности для «накруток» оценки – как в плюс, так и в минус. И это – основа работы всех инвесторов-спекулянтов. Поэтому они так любят инновации и ИТ-сектор.

Подмены 1 и 2 дают возможности для так называемой безбедной жизни, однако обе группы акторов, использующих эти подмены, работают на докапиталистическом уровне. Эти группы вообще не работают с гудвиллом, поскольку активы к гудвиллу не относятся. Поэтому они не могут ни приблизиться, ни даже понять, что такое власть (или хотя бы просто инвестиции) в индустриальном обществе. Тем более – в постиндустриальном.

Подмена 3. Она основана на том, что целевым группам влияния «подкладывается» в качестве теории прикрытия очень «Тайное Знание» о гудвилле в его старом, индустриальном варианте. Дескать, все остальные ничего не понимают, и только вы знаете, что гудвилл – это фактор стоимости.

Так работают, например, группы тайных («неформализованные консорциумы») инвесторов в современные произведения искусства. Для них разрабатываются объективные, физические критерии уникальности и ценности работ, по которым такого художника разыскивают, «изымают» из галерейной деятельности, а затем заключается договор по-

жизненного найма. И все созданные им произведения поступают в собственность этой группы.

Таким образом, подмена 3 создает серьезные вложения в реальную будущую стоимость. Но это – тоже ловушка, т.к. попавшие в нее работают по правилам начала 15-го века. Иными словами, инвесторы и топ-менеджеры, работающие в схемах таких инвестиций отделены непреодолимым барьером от понимания монополии власти в постиндустриальном обществе.

Подмена 4. Здесь начинается действительно серьезная работа против конкурентов в борьбе за власть в постиндустриализме. Эти люди хорошо понимают, что гудвил в постиндустриальном обществе перестает быть стоимостным *критерием* для инвестирования, превратившись в систему факторов конкурентных преимуществ, выраженную в натуральных показателях. Как это и произошло, когда ключевые инвесторы и топ-менеджеры Facebook начали развивать проект Metaverse. Иными словами, это – настоящие постиндустриальные инвестиции в психическую инфраструктуру. Но они не ведут к получению реальной власти. Так где же здесь была совершена подмена?

Metaverse строится на основе только цифровых технологий, пусть и самых совершенных. Однако власть не может зависеть от того, есть ли ток в розетке. Вся программно-техническую систему Metaverse легко стереть, например, посредством высотного ядерного взрыва, вызывающего ЭМИ. Или стерев маршрутизаторы. Или вырезав оптоволоконные подводные кабели передачи больших массивов данных. Сегодня все эти методы широко используются в практике «международных отношений», но о них не пишут в СМИ.

Итак, где была совершена подмена 4? Помимо цифровой инфраструктуры, обеспечивающей цифровую синхронизацию состояний сложной системы управления, хорошо известны технологии аналоговой синхронизации, использующей естественные волновые свойства сред. Например, синхронизация звучания двух камертонов не требует цифро-аналоговых и аналого-цифровых преобразователей или цифровых каналов связи. Достаточно простой звуковой волны, распространяющейся в воздушной среде.

Говоря иными словами, для постиндустриальной власти создание систем психической инфраструктуры на базе цифровой синхронизации является проектами более низкого уровня, чем построение систем психической инфраструктуры на базе аналоговой синхронизации. По сути, именно об этом 28 сентября 2015 г. объявил на юбилейной сессии ООН президент РФ В. Путин, призвав лидеров мира развивать «природоподобные технологии» [5, 6]. Он, пожалуй, даже слишком открыто для политика сказал об этом.

Центральным технологическим элементом любой психической инфраструктуры, созданной на базе аналоговой синхронизации, является технология аналогового квантового суперкомпьютера (АКСК). Вокруг которого выстраивается сеть преобразований исходного потока документов, генерируемых центральным АКСК [5]. При этом следует подчеркнуть, что подобные технологические решения не только не исключают использования цифровых технологий, но и требуют их массированного внедрения в постиндустриальном обществе. Однако цифровые технологии являются базисом систем более низкого уровня, чем системы, созданные на основе аналоговых синхронизаций и АКСК. Это – схема интеграции цифровых и аналоговых технологий в единую иерархическую систему технологического базиса нового постиндустриального общества. При этом власть концентрируется в самом высшем и самом сложном для реализации уровне – там, где проектируются аналоговые сети психической инфраструктуры и откуда управляют всем обществом.

Таким образом, новый проект Metaverse корпорации Facebook по своей технологической сути не создает никаких угроз для монополии постиндустриальной власти (*являя пример самой успешной реализации подмены 4*). А ее Центр пока находится в Москве – по праву приоритета. Или, если говорить точнее, из-за технологического отставания ключевых государств мира, которые также попали в ловушку подмены 4, как и инвесторы Facebook.

В настоящее время в России развернута обширная сеть стратегического военного и военно-политического управления, полностью соответствующая требованиям постиндустриальной власти. И лишь в последние годы она достраивается новой и одной из самых совершенных в мире цифровой инфраструктурой страны. Следом с определенным отрывом по времени по этому пути идут Китай и Израиль. В то время как США, Великобритания, Франция и даже Германия в этом плане весьма сильно отстали.

5. Вывод

Сегодня можно обоснованно и с полной уверенностью констатировать, что начиная с середины 2000-х годов Россия первой в мире смогла осуществить мирную, ненасильственную монополизацию власти, развернув описанный выше системный механизм проектирования и производства объектов психической инфраструктуры на основе аналоговой синхронизации, т.е. природоподобных технологий – как и объявил В. Путин. Это подтверждает следующий удивляющий очень многих факт: в РФ все прошедшие годы, включая отдельные моменты, практически нет массовых выступлений граждан, хотя жизнь весьма непростая. И почти не происходит действительно серьезных заговоров против власти и/или внутри власти. Притом, что массовых репрессий в отношении обладателей

крупных состояний, влиятельных чиновников и духовенства в духе Сталина нет. Между тем «транзит власти» уже начался и по идее должен был бы сопровождаться регулярными попытками «штурма Олимпа». Но их нет. Значит, механизм монополии власти действует надежно и эффективно.

6. Литература

1. *Материалистическая диалектика*. Под общей редакцией Константинова Ф.В., Марахова В.Г. В 5-ти томах. / Т. 1. Объективная диалектика. // М., Изд. «Мысль». **1981-1985**.
2. Денисов А.А. *Постиндустриальный парадокс инновационной деятельности*. // Проблемы модернизации экономики и экономической политики России. Экономическая доктрина Российской Федерации / Материалы Российского научного экономического собрания. Москва, 19-20 октября 2007 г. М.: Научный эксперт, **2008**: 2565-2575.
3. John P. van Gigh. *Applied General Systems Theory*. // California State University, Sacramento. / Harper & Row, Publishers. New York, San Francisco, London. **1978**.
4. А.А. Денисов, Д.Н. Колесников. *Теория больших систем управления*. // Л., «Энергоиздат, Ленинградское отделение», **1982**.
5. *Разработка основ метрологического обеспечения конструирования абстрактных знаний для моделирования и управления социумами*. // Отчет по НИР. Тема № 34.1. Руководитель: к.т.н. А.А. Денисов. / М.: Институт конструкторско-технологической информатики РАН. **2015**: 85.
6. *70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. 28 сентября 2015 г., 19:25*. / Официальный сайт президента РФ. URL: <http://kremlin.ru>